

ЕСТЬ В НОЧИ...

Есть час в ночи, длиной в одно мгновенье,
Когда ты просыпаешься в поту,
Грехи тебя зовут, зовет прозренье,
Вопросы задают сквозь немоту.
Как ты живешь и что другим оставишь?..
Не покривить душой, не промолчать...
И музыка в душе... А из-под клавиш
Спешит строка, чтоб мучить и звучать.

Есть час в ночи... Ты робким подмастерьем
Стоишь... Ты свой не выучил урок.
Ты всё забыл, во что недавно верил,
А что запомнил – то тебе не впрок.
И всё гадаешь – что решит Всевышний?
Позволит ли он думать и дышать?
Всё остальное лишним будет, лишним...
Спешит строка, чтоб мучить и звучать.

Есть час в ночи... Его, как мост Сиратский,
Лишь одолеет чистая душа.
Грехи же вниз потянут... В пламень адский,
Но как пройти по жизни, не греша?
И ты идешь, гонимый черным веком,

На лбу сомнений горькая печать.
Но если ты остался человеком –
Придет строка, чтоб мучить и звучать.

Чья-то старая мать сиротиной живет,
Одинокество в детских глазёнках несмелых...
Одинаково страшно и в доме сирот,
И в постройке с табличкою «Дом престарелых»!

Как похожи они в одинокости дней –
И дитя, и старуха с обугленным взором!
Сны им черные снятся... И нету черней
Одинокой тоски за казненным забором.

К ним не ходит никто... И никто не придет.
Позабыли старуху и бросили сына...
Ничего нет печальнее этих сирот:
Там и мать – сирота, и дитя – сиротина...

Ну а люди? А людям не снится беда...
Не считая себя за сиротство в ответе,
Всё бегут по делам, поспешая туда,
Где их бросят когда-нибудь взрослые дети.

САНИЯТ

У нашей страсти не было весны,
Она нас поздней осенью застала,
Когда и вздохи сделались черны,
И град прошел... И даль похолодала.

Но ты явилась... Смолк мой волчий вой,
Ушли кошмаров черных вереницы.
Явилась ты... И сделалась судьбой...
Ты встретила... Ты – белая... Ты – птица...

Мне воротила небо и зарю,
Вернула мир, что долго мчался мимо.

Слова любви я трудно говорю,
Но ты любима, слышишь? Ты – любима...

Я так хотел под сенью этих слов
Встречать рассветов солнечные трубы.
Зима стучится... Только про любовь
Теперь уже не шепчут наши губы.

ПЛАЧ СЛЕПОГО ОХОТНИКА

Я – старый охотник... Я выбился просто из сил,
Бродя по ущельям, одежду стирая в отрепья.
Последнего тура я нынче в горах застрелил,
А пуля вернулась... Попала в меня... И ослеп я...

В глазах потемнело... И сделались дали пусты.
И солнце шепнуло: «Тебя я навеки покину...»
За годы скитаний я столько убил красоты,
Что не отличить мне теперь от низины вершину.

Был взгляд мой намётан... В стрельбе я не знал неудач.
И падали туры, склоняя пронзенные выи.
И только ослепнув, вдруг понял – я только палач...
А где эти души, а где эти души живые?

На шелест, на шорох умел я мгновенно стрелять,
Мой выстрел являлся предвестником смертного часа.
Куда всё девалось? Я это не в силах понять,
А сердце похоже на турье сгоревшее мясо...

Я так ликовал, если, выстрелом сбитый моим,
Катился подстреленный тур вдоль глухого ущелья.
И кровь закипала... И был я Аллахом храним,
Но кровь моя сделалась черной, как мутное зелье.

Тяжелое солнце стекало в межгорный провал,
И скалы пугались вот этого лютого смеха,
Когда я, убивший, от радости долго скакал,
И сердце гудело в груди, будто горное эхо.

А нынче Всевышний забрал мой прищуренный взгляд.
Во тьме засыпаю... Во тьме просыпаюсь и каюсь...
И только в мозгу моем выстрелы снова звучат –
От них просыпаюсь... От выстрелов я просыпаюсь.

Последний мой выстрел... Тур падает, громко храпя,
А сердце опять наполняет шальное веселье.
Я снова стреляю... И вновь попадаю в себя,
Подстреленным туром летя в грозовое ущелье.

ШУМ

Мне хочется кричать, чтобы слышали глухие,
Картину написать, чтоб видели слепцы...
А жизнь себе летит... Намеренья благие
Мечты лихой гонец хватает под уздцы.

Ведь сколько ни кричи, глухие не услышат,
Не видимы слепцам картины и мазки.
Один лишь мертвый шум судьбу мою колышет,
А жизнь – живая жизнь, сникает от тоски.

Мне чудится порой, что глухо всё и слепо,
Что лишь незрячий мир колышут небеса.
Мне кажется слепым раздумчивое небо,
И черная течет из глаз моих слеза...

Но всё это лишь миг... В соседнее мгновенье
Взыграет золотым седая ширь небес.
И птицы запоют... Их солнечное пенье
Позолотит цветы... И радугу... И лес...

А больше ничего, по сути, и не надо...
Лишь злу оставить зло, а седине – виски...
Достаточно душе и ласкового взгляда...
И робкой тишины... И боли... И тоски.....

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Где наш язык? Остался в доме плача,
Когда ты смолк, в небесный взмыв аул.

Ты был Поэт... Ты всё переиначил,
У нас два моря – Каспий и Расул.

Чем дальше ты уходишь, тем всё ближе
Становишься... А тайны наших гор
Лишь одному тебе открылись... Вижу
Как ты глядишь на недругов в упор.

Как мы любили этот взгляд с прищуром!
Для всех влюбленных не было родней
Симфонии аварского пандура,
Гамзатовских певучих журавлей...

Те строки и рыдали, и лучились,
И как ты этот край ни назови,
Влюбленные всех стран соединились
В краю тобой восславленной любви.

С тобою малой не казалась малость,
В любом бессилье прибавлялось сил,
И даже горечь горькой не казалась,
Когда ты другу что-то говорил.

Но ты ушел... Иные жаждут славы,
Не отточив ни слова, ни пера...
Бездарные щенки, как волкодавы,
Ликуют, что настала их пора.

Они ликуют, ничего не знача,
Их песни ветер – дунул и задул...
Где наш язык? Остался в доме плача...
Но есть два моря – Каспий и Расул.

ЯКОВ КОЗЛОВСКИЙ

«Есть старая песня: Кавказ и любовь...» --
Так Яков Козловский не раз говорил мне.
Шел ливень в Москве... А казалось, что вновь
В ауле Цада начинаются ливни.

Я помню заваленный книгами стол,
Ту песню – на звук оглянулся прохожий.
Так было. Так будет... Козловский ушел –
Порывистый, быстрый, на горца похожий.

Он эти ущелья и горы любил,
Как будто и вправду родился в ауле.
Кавказ ему дал вдохновенья и сил
Строку из Расула пропеть при Расуле.

С Гамзатом Цадаса он горную пыль
Топтал там, где ветер кустарник колышет.
И если при нём говорили: «Шамиль»,
Козловский вставал, сразу делаясь выше...

Дружил с Шахтамановым... Вечную грусть
Носил он в зрачках... Улыбался... И снова
Нам строки Махмуда читал наизусть
Тот пленник кавказский русского слова.

Эх, Яков Абрамович ... Где ты? Уплыл
Туда, где закончились горы и спуски...
Но лунным сиянием ты наделил
Аварское слово в поэзии русской.

ПЕРЕВЕЛ С АВАРСКОГО
АНАТОЛИЙ АВРУТИН